

Этой ночью, едва устроив Хуана Яоши на ночлег, Ваньянь Кан собирался вернуться к себе, но ноги сами собой принесли его к покоям отца. Заметив, что свет в окнах всё ещё горит, юноша невольно нахмурился: Ванъе снова вознамерился провести всю ночь за государственными делами. Тяжело вздохнув, он толкнул дверь и вошёл. Он рассудил, что с его помощью работа пойдёт быстрее, и отец сможет хоть немного отдохнуть.

Ваньянь Хунле, увидев сына, тоже не сдержал вздоха.

— Почему ты всё ещё не в постели? — В голосе князя звучала усталость, а на лице, осунувшемся за последние часы, проступила явная печать изнеможения.

Ваньянь Кан, ещё утром обещавший отцу не прикрываться наличием внутренней силы как оправдание для пренебрежения сном, лишь мягко улыбнулся. Он сел напротив и потянулся к стопке официальных бумаг.

— Ничего страшного, если я лягу чуть позже. Давайте покончим с этим вместе.

Зная характер сына, Ваньянь Хунле понимал: если Кан-эр что-то решил, спорить бесполезно. Оставив попытки переубедить его, он молча вернулся к донесению, которое изучал до этого.

Прошло около трёх часов. Когда Ваньянь Кан взял со стола последний свиток и дочитал его до конца, он едва заметно улыбнулся. Он протянул документ отцу.

— Не знаю, насколько они искренни, но, по крайней мере, это нам на руку.

Ваньянь Хунле внимательно вчитался в строки и кивнул:

— Да. Пока они сковывают силы Тэмуджина, у нас появляется столь необходимая передышка.

Новости и впрямь были обнадеживающими. Племя найманов, которое после сокрушительного поражения восемь лет назад почти исчезло с лица земли, внезапно заявило о себе. Под знаменем борьбы с Тэмуджином и в надежде на признание и титулы от Великой Цзинь, они за несколько месяцев ввязались в десятки стычек с монголами. Тэмуджин даже потерпел несколько поражений — не критических, но достаточных, чтобы замедлить темп его завоеваний.

Были ли найманы верны Великой Цзинь на самом деле? Это не имело значения. Прежде чем они станут достаточно сильными, чтобы представлять угрозу для Государства Цзинь, пройдет немало времени.

— Значит ли это, Кан-эр, что тебе больше не нужно соглашаться на брак с Хуачжэн? — тихо спросил Ваньянь Хунле.

Ваньянь Кан прекрасно понимал, что его согласие на этот союз было продиктовано желанием выиграть время. Теперь, когда в игру вступили найманы, ту же цель можно было достичь иным путём.

— Не стоит торопиться с решением, — Ваньянь Кан покачал головой. Информация была предварительной, нужно дождаться подробных донесений. — Отец, вы не хотите, чтобы я соглашался?

Ваньянь Хунле вздохнул и, подавшись вперёд, обнял сына.

— Я просто не хочу, чтобы ты приносил себя в жертву.

Юноша лишь улыбнулся. Для него этот брак вовсе не был жертвой. В отличие от отца, Ваньянь Кан никогда не верил в любовь — это чувство казалось ему чем-то призрачным и чуждым. Если политический союз мог послужить процветанию Государства Цзинь и спокойствию отца, он считал это благом. К тому же Хуачжэн не вызывала у него антипатии.

До приезда принцессы в Чжунду оставалось совсем немного. Если верить разведке, вместе с Толуем и Го Цзином придут Ли Пин и Семь монстров Цзяннани. Это заставляло Ваньянь Кана задуматься. Все эти люди знали правду о его происхождении. И хотя прямых доказательств у них не было, стоило Ли Пин встретиться с его матерью, и тайна могла выйти наружу. Лишить госпожу Ян иллюзий было бы... хлопотно.

Ваньянь Кан посмотрел на отца. Он давно решил: пока он нужен этому человеку, он будет рядом. Он сделает всё, чтобы возвысить Государство Цзинь, исполнит любое желание Ваньянь Хунле, и никакие «трудности» не станут для него преградой.

— Отец, я считаю, что всё идёт хорошо, — мягко улыбнувшись, произнёс он. Помощь родителю была его единственным приоритетом, тем более что через пять лет его возможности могут быть исчерпаны.

Ваньянь Хунле снова тяжело вздохнул:

— Я лишь хочу, чтобы ты был счастливее, Кан-эр. Не будь так суров к себе.

Князю было больно видеть, как сын изнуряет себя делами, пусть даже успехи в политике явно радовали юношу. Ваньянь Хунле не покидало странное, пугающее предчувствие, будто эта самоотверженность рано или поздно приведёт к потере самого дорогого.

Ваньянь Кан не мог иначе. Он не хотел уходить, не оставив отцу плодов своих трудов. Его

время было ограничено, и если не действовать быстро и решительно, если не использовать каждую секунду, историю не изменить.

Он не желал видеть, как Ваньянь Хунле гибнет от рук Тэмуджина. Не желал, чтобы копыта монгольской конницы втаптывали в грязь земли Государства Цзинь. Он не мог допустить, чтобы пламя пожаров в Чжунду бушевало целый месяц, как это было предназначено.

Историю необходимо было переписать. И Ваньянь Кан знал: одного «эффекта бабочки» здесь мало. Чтобы свернуть время с привычной колеи, требовалась огромная сила и ещё более высокая плата. Он был к этому готов.

Если он взялся менять судьбу мира, то и платить по счетам должен только он сам. Иногда он думал, что не помнить о будущем было бы счастьем — тогда он мог бы наивно полагать, что его усилий достаточно и через пять лет он просто вернётся в свой двадцать первый век, оставив Государство Цзинь процветать.

Но он был рад, что знает правду. Лучше быть готовым к удару, чем оказаться застигнутым врасплох. Ваньянь Кан снова посмотрел на отца со стальной решимостью. Он защитит этого человека. Защитит его страну. Даже если ценой станет его собственная жизнь.

Через пять лет, если его желания исполнятся, он не вернётся домой. Он просто исчезнет. Перестанет существовать во всех мирах. Но к тому времени, он верил, Ваньянь Хунле уже сможет править этой страной сам — или вместе с настоящим Ваньянь Каном.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17543/1706785>